AUNC AWHPIN

Написанный в начале 20-х годов, этот рассказ известного английского писателя Р. Киплинга впервые на русском языке был опубликован в 1928 году в журнале «Всемирный следопыт»,

Южной Франции, в департаменте Устье Роны, к западу от города Салон-де-Прованс тянется прямое и ровное шоссе, получившее заслуженную известность среди автомобилистов как идеальная дорога для установления рекордов. Я неоднократно пыпромчаться по этому шоссе, однако каждый либо дул мистраль, либо навстречу двигалось бесконечное стадо. Но однажды после яркого почти египетского заката настал вечер, которым было бы преступно не вос-Чувствовалось пользоваться. приближающегося лыхание лета. Лунный свет заливал широкую равнину; резко вырисовывались на земле тени остроконечных кипарисов. Мой шофер, произведя предварительную разведку, доложил, что шоссе в безупречном состоянии и свободно до самого Арля.

— Посмотрим, на что «она» способна при хорошей дороге, — заявил он. — Весь нынешний день «она» так и рвется из рук. Не я буду, если сегодня «она» себя не покажет!

Мы решили провести испытание машины после обеда. Предстояло проехать без малого тридцать километров.

В столовой отеля, где мы ожидали вечера, за одним столиком со мной сидел пожилой бородатый француз, приехавший на быстроходном автомобиле фирмы «Ситроен». Во время обеда он скачто слыхал от шофера о намерении испытать нашу машину на скорость. Он очень интересуется автомобилями, он любовался моей «эсмеральдой» — одним он был бы весьма словом. признателен, если бы я взял его прокатиться с нами в качестве наблюдателя. Отказать было неудобно. Зная своего шофера, я почти не сомневался, что за этим кроется пари.

Когда француз пошел за своим пальто, я спросил его имя у хозяина отеля.

— Вуарон. Андре Вуарон, — был его ответ. — Вот этот самый.

И хозяин отеля размашистым жестом указал на украшавшие стены броские рекламы, в которых сообщалось, что «Братья Вуарон» торгуют винами, сельскохозяйственными орудиями, химиче-

екими удобрениями и прочими товарами...

...В течение первых пяти минут пробега Вуарон говорил мало. Затем он совсем умолк. Шофер угадал: наша «Эсмеральда» была в ударе. После того как стрелка на спидометре поднялась до известной цифры и оставалась на ней на протяжении трех головокружительных километ-Вуарон нарушил свое молчание. Он выразил ное удовлетворение и предложил мне отпраздновать в отеле блестящий пробег.

— Там я держу для друзей одно винцо, о котором хотел бы узнать ваше мнение, — сказал он.

Когда мы вернулись в отель, Вуарон исчез на несколько минут, и я слышал, как они с хозяином возятся в подвале. Затем Вуарон пригласил меня в столовую. На тускло освещенном

столе стояли пользующиеся известностью местные блюда, а среди них — бутылка огромных размеров с белой буквой «В» на красной этикетке и латой. Вуарон откупорил ее, и мы выпили «за здоровье моей машины». Бархатистый ароматный напиток красновато-топазового цвета, в меру сладковатый и сухой, играл и пенился в наших вместительных бокалах. Много вин я смаковал на своем веку, но ни разу еще не пробовал такого восхитительного напитка. Я спросил, что это вино.

— Наше шампанское! — торжественно ответил Вуарон. — А где его можно достать? — поинтересовался я. — Только здесь. Видите ли, настоящие вина мы, виноградари, не пускаем в продажу. Мы лишь обмениваемся ими между собой.

В отеле шумно запирали

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

захлопывали ставни. Последние слуги, зевая, отправились на покой. Вуарон открыл окно, и лунный свет залил комнату. Можно было слышать, как город Салон-де-Прованс дышал в объятиях первого сна. Вдруг раздался какой-то гул: топот множества копыт, рев, мычание, гортанные крики и приглушенный короткий лай. Туча пыли поднялась над стеной дворика отеля, и густо запахло скотным двором.

— Гонят стадо, — пояснил Вуарон. — Вероятно, мое. Так и есть: я слышу голос Кристофа. Наши животные не любят автомобилей, поэтому мы перегоняем их ночью. Вы не знакомы с нашими краями? Я же здесь и родился. Во Франции нет красивее мест.

Он говорил с горячим чувством, с каким только французские буржуа умеют говорить о «родном уголке» и о «своей обожаемой родине».

– Если бы я не был занят всем этим, — Вуарон махнул рукой в сторону рекламных объявлений, - я бы жил безвыездно на моих фермах и, поклонялся бы как индус, своим коровам. Вы знакомы е нашим камаргским * ско-Нет? TOM? Очень. очень жаль... Хотя, впрочем, TIOверхностное знакомство чего вам не даст. У наших животных умственные способности куда выше, чем у других. Они пасутся, жуют жвачку и размышляют. Представьте, они грудью встречают мистраль! Ведь этого многие автомобили не в состоянии сделать! А когда этакое животное начинает думать только держись! Я видел, к чему это приводит...

- Неужели они действительно такие умные? — лениво спросил я.
- Надеюсь, вы мне поверите, продолжал Вуарон, если я расскажу вам одну историю.

...В юности, когда я жил в отцовском доме, все мои интересы, вся моя любовь были обращены к нашим вотным. Мы живем здесь, вы видели, в домах, похожих на старые замки. Они окружены большими амбарами с белыми стенами и скотными дворами. Каждая такая усадьба — это замкнутый мирок. живущий своей жизнью. Любимейшее и, пожалуй, единственное развлечение наших мальчишек - игра с молодыми бычками, которые часто бывают не оченьто любезны. Вместе с пастумальчики хами выезжают пасти стадо. А через некоторое время они встречают уже варослыми тех бычков, которые когда-то в шутку бодали их. Так я жил до тех пор, пока мне не пришлось уехать в колонии...

Я провел долгие годы на чужбине. Когда же после смерти родителей старший брат попросил меня вернуться, чтобы помогать ему в хозяйстве, я с радостью бросил службу и возвратился в наши милые края.

Да-с... То, о чем я хочу вам рассказать, случилось несколько лет назад. Среди наших бесчисленных телят был один бычок, поначалу еще неотличавшийся от других. С ним что-то случилось — не то он захромал, не то заболел, — и его вместе с матерью перевели на большой скотный

^{*} Камарг — равнина на юге Франции, славящаяся своими стадами рогатого скота и полудиких лошадей.

двор при усадьбе. Разумеется, дети пастухов с первого же дня начали устраивать с ним какое-то подобие корриды, как это водится у нас.

часто наблюдал, как мальчишки играли с бычком. Спрячутся, бывало, за тракторами или телегами посреди двора, а он выгоняет их оттуда, как собака крыс. Но не просто выгонял, он изучал психологию ребятишек. вало, так и вопьется в них глазами. Да, он следил за выражением их лиц, чтобы угадать, куда они побегут. И сам пускался на хитрости: сделает вид, будто хочет броситься на одного мальчишку, но вдруг повернет вправо или влево — никогда нельзя было заранее сказать, куда именно. - и опрокинет совсем другого чертенка, который стоит в стороне. После этого он останавливался над упавшим, зная, что товарищи придут к нему на помощь. А когда все ребятишки сбегутся, размахивая курточками перед его глазами, он вдруг кинется на них и вмиг рассеет всю ватагу. Он умел лягать. ся вбок, как это делают коровы.

Кристоф, наш главный пастух, сказал мне, что этот бы-

чок - потомок хорошо известной мне пегой коровы, котодни детства рая в далекие здорово гонялась за мной. «Он брыкается совсем как его прабабка, - говорил Кристоф. — Смотрите, он выбрасывает задние поги вбок, непременно влево. Вы заметили, что ребята не могут сбить его с толку, сколько ни размахивают перед ним куртками? Эти куртки только помонаходить самих emv мальчишек. Они воображают, что играют с ним. Нет, это он с ними играет. Он умеет лумать, этот бычок». Я и сам пришел к такому выводу. Да, бычок был весьма разумен, само собой разумеется, в пределах, необходимых ему для его игр и забав. И кличка Апис * вполне ему соответствовала. Кроме того, он был большой юморист. Он обладал особым юмором — жестоким, но чрезвычайно выразительным.

Вуарон снова наполнил наши бокалы своим необыкновенным вином.

— В течение некоторого времени бычок оставался у нас в усадьбе, и ребята практиковались на нем в искусст-Разумеется. ве корриды. OT подобных развлечений бычок немного грубоват. Кристоф, наконец, отправил его на пастбище, чтобы он поучился хорошим манерам себе среди подобных. EMY было тогда месяпев восемь или девять... Немного спустя мы снова встретились с ним. Я ехал по дороге в Кро верхом на одной из наших маленьких полудиких лошадок. Вдруг сильный удар чуть не вышиб меня из седла. Это был наш бычок. Он притаился за придорожными деревьями, пока я проезжал, а затем сзади кинулся на нас. М-да, он перехитрил даже мою маленькую осторожную лошадку.

Я сразу узнал его, хлестнул плетью по морде и сказал: «За эту штуку, Апис, ты отправишься в Арль. Это было подло с твоей стороны». Но ему ничуть не было стыдно. Он отошел, как бы ухмыляясь. А мне, если бы он меня вышиб из седла, мне было бы не до смеха.

 — А зачем вы хотели послать его в Арль? — спросил я.

— Дело в том, что, когда туристы разъезжаются, устраиваем там наши невинные развлечения. Это не настоящие бои быков, a Молодым бычкам надевают на рога колпачки. а затем наши ребята с ферм и из города играют с ними. Конечно, прежде чем послать быка даже на такую корриду, мы его испытываем дома. Поэтому мы опять привели Аписа с пастбища в усадьбу. Бык понял, что находится сразу среди друзей своей юности.он чуть не здоровался с нами и покорно дал надеть колпачки на рога. Он внимательно исследовал стоявшие посреди двора тележки, точно выбирая себе линию защиты и нападения. Затем яростно бросился в атаку и защищался с таким упорством и так искусно, что привел всех в восторг.

По правде сказать, мы злоупотребили его терпением. Мы хотели, чтобы он повторялся, а этого не потерпит

^{*} Апис — священный бык древних египтян, ему поклонялись в храмах, видя в нем земное воплощение бога Пта — бога изначальной творческой силы, покровителя ремесел и искусства.

никакой истинный артист. Тогда он честно предостерег нас. Он вышел на середину двора, опустился на колени и... Вы видели, как тычется в землю лбом теленок, у корожки? То торого чешутся же самое Апис проделывал до тех пор, пока не сбросил Тогда колпачки. он встал. приплясывая на своих красивых подвижных ногах. Казалось, он хотел сказать: «Ну, друзья, мои рапиры в порядке. Кто начнет?..» Мы поняли и сразу прекратили игру. Его снова отправили на пастбище в ожидании дня, когда настанет время позабавить народ в Арле.

За несколько нелель πо Кристоф праздника HDHскакал ко мне и доложил, что Апис убил другого молодого быка, который по всем признакам мог стать в будущем его соперником. Это случается в стадах, и дело пастухов — не допускать го. Но Апис совершил убийство не так, как другие быки: в сумерках из засады он бросился в атаку и опрокинул свою жертву, после чего мигом ее распотрошил. А потом произошло нечто совсем особенное. Убив своего потенциального соперника, Апис подошел к насыпи у дороги, опустился на колени и тщательно, как тогда у нас на дворе, вытер свои рога о землю...

Стало ясно, что с таким быком шутки плохи. И когда я послал Аписа в Арль. то предупредил, чтобы с ним были осторожны. К счастью, обстановки, музыперемена ка, общее внимание и встреча со старыми друзьями (все ребята из нашей усадьбы явились в Арль) корошо на него подействовали. Он на время снова стал шутником, его быстрые повороты, наскоки, прыжки были еще великолепнее, чем раньше. В них
теперь была, понимаете ли
вы, продуманность, свойственная истинному искусству; но
в них чувствовалась еще и
страстность, которая приобретается жизненным опытом.
О, он многому научился, пока пасся на пастбищах...

Согласно местным правилам после ряда шутливых забав с Аписом должны были состязаться, как с профессибыком, ональным осужденным умереть на арене, с той только разницей, что смертоносный меч был заменен палкой. Аписа заставили занять (или он сам занял) наплежащую позицию, с которой он и бросился в атаку. Однако он тут же наткнулся на палку. конец которой ударил сто в плечо. Получив этот удар, он повернулся и понесся галопом к воротам, через которые вышел на арену. Он словно говорил: «Друзья мои, представление окончено. Благодарю вас за аплодисменты. Я иду отдыхать». Ну, скажите, кто научил его этому?..

Однако зрители требовали повторения, и Аписа заставили вернуться на арену. Зная быка, мы предчувствовали, что произойдет. Он вышел на середину круга, опустился на колени и медленно начал засовывать рога в землю и снова вытаскивать их, пока не сбросил резиновые колначки. Кристоф крикнул: «Оставьте его, пока не поздно!»

Но все жаждали волнующего зрелища. И они получили то, чего желали... Вам, конечно, приходилось видеть, как служанка, вооружившись совком и щеткой, начисто выметает комнату. Точно так же и Апис в полминуты начисто вымел всех людей с арены. Затем он вторично потребовал, чтобы раскрыли ворота. Их открыли, и он гордо удалился, точно увенчанный лаврами победитель. Впрочем, так и было на самом деле...

Вуарон снова наполнил наши бокалы, закурил сигарету и несколько минут молча пускал в воздух кольца лыма.

 Ну и что же дальше? спросил я наконец.

— Дальше? Апис вернулся на пастбище к своим коровам, а я к своим делам. На следующий год путем какой-то хитроумной махинации, которую мне некогда было разобрать, а также благодаря нашему патриархальному обычаю уплачивать работникам приплодом стада мой старый Кристоф сделался владельцем Аписа. О, он сумеет вам доказать свои права на Аписа как на потомка известной коровы, которую огда-то подарил ему мой отец. Кристоф продал Аписа испанцам раньше, чем я узнал обо всем этом. Вель испанцы платят звонкой монетой из чистого серебра. Наши крестьяне не доверяют бумажным деньгам. Вы знаете, как у нас продают коро-«Бумажными франками - отдам за тысячу, а если звонкой монетой - за восемьсот». Да-с, Кристоф продал Аписа испанцам, когда тому было два с половиной года и когда, по свидетельству Кристофа, он уже совершил три убийства...

— Как так?

— В стаде на пастбищах он убил еще двух быков. И заметьте, всякий раз он

убивал одним и тем же принепременно емом: налетал сзади, опрокидывал противника и в один миг распарывал ему брюхо; затем неизменно следовала церемония чистки образом Таким-то рогов... Апис исчез из наших краев и из моего поля зрения. Но меня это не беспокоило. Я знал, что в свое время услышу о нем. У нас здесь ни одно копыто не двинется между двумя фермами без того, чтобы об этом не узнали немедленно такие специалисты, как Кристоф. Ведь скотина - цель, смысл, содержание, а также драма всей их жизни. И вот в один красный день Кристоф сообщил мне, что Апис будет выступать на арене маленького каталонского городка. Я велел подать автомобиль, и мы с Кристофом помчались через границу.

В городке не было крупных заводов, и вообще ничего замечательного, но там родился один довольно известный матадор, который милостиво дал согласие показать свое искусство в родном городе.

Вилламарти (так звали матадора) предложил двух быков в честь своего города, и Апис, как мне сказал Кристоф, должен был быть вторым. Дорога была интересна, а маленький городок оказался восхитительным. Бои быков там проводят с середины семнадцатого века, и обставляются они весьма торжественно. Один церемониал чего стоит: например, передача ключей от арены. Если матадор поймает брошенные ему ключи в шляпу, это считается хорошим предзнаменованием. Я заметил, что ключи были пойманы наилучшим

образом. Мы сидели в первом ряду, рядом с воротами, через которые входят быки, так что все могли видеть.

Первого быка Вилламарти убил неплохо. Матадор, сменивший Вилламарти (имени его не помню), убил своего быка без всякого искусства. Третий матадор, Чисто, пожилой бесстрастный профессионал, также играл роль фона, на котором особенно ярко выступало искусство Вилламарти...

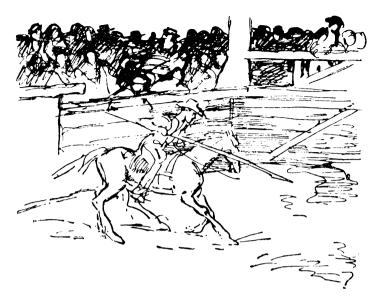
Помощники Вилламарти уже приготовились к встрече второго его быка. Распахнулись ворота, и мы увидели Аписа. Великолепно балансируя на крепких ногах, он кокетливо поглядывал по стословно находился у ронам. себя дома. Один пикадор на лошади с длинной пикой в руке стоял около барьера по правую сторону OT Аписа. Он даже не позаботился повернуть свою лошадь, потому что капеадоры с плащаприближались уже Апису, чтобы начать с ним обычную игру, при помощи стараются которой *<u>vзнать</u>* настроение и намерения быка, согласно правилам, выработанным для быков, которые не думают...

Все произошло раньше, чем я успел понять, что случилось. Поворот, прыжок, атака наискосок, падение коня и человека... Апис перескочил через лошадь, с которой у него не было ссоры, и прыгнул на упавшего человека. Этого было достаточно... Перешагнув через труп, Апис отошел в сторону и при этом сделал вид, что споткнулся...

Понимаете! Прикинувшись, что споткнулся, Апис создал впечатление, будто совершенное им убийство было простой случайностью. В этот миг я начал понимать, что перед нами подлинный артист. Апис не остановился перед телом, чтобы не привочно остальную труппу. Он позволил служителям вынести убитого, а сам начал забавляться с капеадорами.

Аписа, прошедшего школу корриды среди ребят на наших фермах, плащ был не средством отвлечения, а, наоборот, указанием, где нужно искать спрятавшегося за плащом человека... Он, видите ли, стремился к самому существенному — ему нужен был человек, а не красная тряпка. Но добирался он до человека неторопливо, с прохладцей, с юмором и в то же время с оттенком жуткой свирепости. Он гонялся плащом одного из капеадоров неуклюже, неповоротливо, но я заметил, что он держит человека по левую сторону от себя — с роковой левой стороны... Кристоф шепнул мне: «Вот погодите, скоро он его брыкнет по-своему, как, бывало, брыкалась его прабабка».

И действительно, это произошло во время одного из прыжков. Вы и представить себе не можете, с какой силой он метнул ногу вбок. Капеадор свалился, как мешок. Второй раз в распоряжении Аписа был труп. Снова к небросились с плащами. чтобы отвлечь от убитого, и во второй раз Апис уклонился от решительных действий и так ловко разыграл свою роль, что и это убийство приняли за простую случайность. Он убедил в этом зрителей. Глядя на можно было подумать, будто он не человека убил, а лишь сломал калитку в изгороди

у себя на пастбище. Вам это кажется невероятным? Но я собственными глазами видел всю эту сцену!..

Вуарон снова вспомнил о шампанском. Я последовал

его примеру.

- Однако в этот раз Апис был не единственным артистом на арене. Говорят, Вилламарти происходит из актерской семьи. Я заметил. что он внимательно смотрел на Аписа. По-видимому, матадор тоже начал кое-что понимать... Он взял плаш и двинулся к Апису, чтобы поиграть с ним, пока появится следующий пикадор. марти был знаменитостью. Может быть, Апис почувствовал это. Возможно, также, что Вилламарти напоминал ему какого-нибудь мальчишку с нашей фермы. Во всяком случае. Апис позволил Вилламарти играть с собой, но лишь до известной степени. Руководящей роли он ему

Он беспошално не уступил. разбивал все попытки Вилламарти взять инициативу в свои руки. Он маневрировал медленно и тяжеловесно, но неизменно с угрозой, неуклонно тесня матадора. Нам было ясно, что хозяин положения — бык, а не человек. Мы видели, что Апис сознательно старается завлечь матадора на середину арены. Наблюдая за лицом Вилламарти, я вскоре заметил, что он понял намерение противника. Однако ему было непонятно, для чего это нужно Апису.

«Глядите, — шепнул мне Кристоф. — Он подбирается вон к тому пикадору на белом коне. Когда он будет достаточно близок от него, уж он ему покажет. Вилламарти для него — только прикрытие. Один раз на пастбище он таким же образом котел облапошить меня...»

Так и случилось. С оглу-

шительным ревом Апис внеоставил Вилламарти, промчался мимо него и очутился у намеченной жертвы. же атака наискосок, с низким наклоном головы -и лошадь рухнула на бок с перебитыми ногами. Лишившийся чувств пикадор лежал на земле, а Апис стоял между ним и конем, спиной к барьеру. Теперь справа он был прикрыт лошадью, а слева - лежавшим у его ног телом пикадора. Как это было просто! За неимением тележек, к которым привык на ферме, он гениально обеспечил себе прикрытие из имеющегося материала.

Помощники матадора снова рванулись на выручку, но проходу их слева мешала

бьюшаяся в судорогах лошадь, а справа их продвижение было парализовано телом пикадора, над которым стоял Апис с весьма недвусмысленным видом. Вилламарти попытался вызвать его на атаку. Но Апис отказался. Он держался своей базы. Тогда к нему послали нового пикадора — по необходимости с фронта, потому что один только фронт и был открыт. Апис ринулся на него. метьте, что до этого он еще не пускал в ход рогов. Лошадь опрокинулась на спину, наполовину прикрыв всадника. Апис остановился. подхватил человека рогами под самое сердце и перекинул его через барьер. Мы слышали, как голова несчастного стукнулась о дерево, но пикадор был мертв еще до этоге.

На этот раз зрители молчали затаив дыхание. Они также начали понимать, кто был перед ними. На арене опять занялись убитыми. Два капеадора нерешительно попробовали понграть с Аписом — не знаю, на что они надеялись, — но он вышел на середину арены.

«Смотрите, — сказал Кристоф. — Сейчас он начнет чиститься. Меня всегда жуть берет, когда я это вижу». В самом деле Апис подогнул передние ноги и начал чистить свои рога. Земля была твердая, утоптанная. Он занимался своим делом с каким-то особенным старанием.

Среди окружавшего нас глубокого молчания какая-то женщина истерически нула: «Он роет могилу! О ужас, он роет могилу!» Другие подхватили этот крик, и пронесся, замирая, как эхо морского прибоя В roрах... Кончив свое дело. Апис поднялся и оглядел группу пикадоров, окружавших Вилламарти, одного за другим, изучая их лица с серьезностью существа, равного им по уму, и с беспощадной решимостью мастера своего дела. Это было еще страшнее, чем когда он чистил СВОИ ra...

-- A они что? — спросил я.

- Они, как и зрители, были парализованы быком. Перестали гарцевать, принипозы, вызывать ero, кричать угрозы. Только один них прервал молчание каким-то возгласом, и Апис немедленно повернул к нему голову. И так он стоял неподвижно, в одиночестве, раз-

думывая о судьбе тех, которые были в его власти. Вдруг раздался призывный трубы: сигнал, чтобы пустили в ход бандерильи, которые обычно вонзают в плечи быков, когда их шейные мускулы утомлены долгой работой на арене. Почувствовав боль, бык задерживается на мгновение. а бандерильерос пользуется этим, чтобы грациозно отскочить в сторону. Впрочем, такое можно делывать только с быками, которые не думают...

Услыхав трубный сигнал. бандерильерос йино нически повиновался с видом обреченного. Он выступил вперед, нацелил дротик запинаясь. начал бормотать фразы, которыми бандерильерос обычно сопровождает метание дротиков... Я не могу утверждать, что Апис пожал плечами, но, во всяком случае, он свел этот эпизод к самому жалкому фарсу. Он начал кружиться вокруг юнца, заставив его забыть, как нужно принимать великолепные позы. Чтобы понравиться публике, бык изучал его с разных сторон, подобно неумелому фотографу, который не может найти нужной точки для съемки. Бык подставлял все части своего кроме плеч. То и дело он показывал, что хочет броситься на юношу. До чего он был жесток и в то же время непринужденно комичен! намерения были ясны. Он играл, стремясь одновременно вызвать смех у зрителей и ужас у потерявшего всякое мужество бандерильероса...

И он достиг своей цели. Бандерильерос повернулся и позорно побежал к барьеру. Но Апис очутился около него раньше, чем умолк смех.

Он проскочил мимо него и головой отогнал его влево. Рога он держал направленными вбок, почти касаясь груди своей жертвы. Он не хотел допустить, чтобы бандерильерос убежал в безопасное место. Некоторые из группы пикадоров хотели броситься на выручку, чтобы отвлечь Апи-Вилламарти крикнул: «Оставьте! Если он хочет до него добраться, никто ему не помешает!» И они остановились... Сам ли бандерильерос поскользнулся, Апис ли ткнул его мордой — этого я не заметил, но, во всяком случае, юноша упал на землю, громко рыдая. Апис остановился, как автомобиль, у которого нажали на все тормоза, основательно обнюхал упавшего... и отошел прочь!

Представление было окончено. Апису оставалось только очистить арену от второстепенных действующих лиц. О, с каким искусством это было сделано! Неожиданно он встрепенулся - драматический жест! - словно впервые увидал всех этих людей. Затем он двинулся... Над разнобарьером мелькнули пветные панталоны беглецов, Апис остался один

Мы с Кристофом дрожали от возбуждения. Апис впутался в драму, в которой он неподражаемо разыграл первые три акта. Но дальше... Он довел зрительный зал до крайпределов напряжения, но вместе с тем исчерпал все свои возможности. От победы до поражения - один шаг... Мы видели, что вооруженные стражники, которых всегда посылают на такие зрелища поддержания порядка. держат свои винтовки наготове. Они ожидали приказа. чтобы стрелять в Аписа, как стреляют в быка, если тот перепрыгнет через барьер к зрителям...

Вуарон утопил это воспоминание в шампанском и вытер бороду.

— В этот момент судьба послала для достойного финала не кого иного, как матадора Чисто́, которого поначалу я принял за бездарного ремесленника. Оказалось же, что этот человек в душе был артистом. Он двинулся по арене к быку, спокойный и уверенный. Апис удивленно смотрел на него...

Чисто с плащом в руках встал в позу и крикнул быку, как равному: «Ну-с, сеньор, теперь мы кое-что покажем почтенным кабальеро!..» И он спокойно направился к умному Апису, который (мы это знали) одним ударом мог, если бы захотел, уничтожить его.

Дорогой друг мой, я хотел бы дать вам хотя бы отдаленное представление о непритворном добродушии, юморе, деликатности, с каким Апис, великий артист, ответил на это приглашение. Казалось, маэстро, утомленный работой в мастерской, по-домашнему расстегнув жилет, принимает не лишенного таланта ученика. Между ними митновенно установилось взаимное понимание. И это имело свои основания.

Кристоф шепнул мне: «Теперь все в порядке. Чистовсю жизнь провел среди быков. Это сразу видно. Он был пастухом. Теперь все обойдется...»

Противники некоторое время примеривались, словно определяя, на какое расстояние можно приблизиться друг к другу. Тут Вилламар-

ти позволил себе непростительную дерзость. Он вышел на арену, чтобы поддержать репутацию. И Апис встретил его... Он сразу загнал Вилламарти за барьер ногами и начал топать говорил: фыркать, словно «Вон отсюда! Я занят с артистом». И Вилламарти удалился, навеки потеряв свою репутацию... Апис вернулся к Чисто. Казалось, он извинялся: «Простите, что пришлось прервать вас. Я не всегда могу распоряжаться своим временем. Мы, кажется. говорили, дорогой коллега...» Игра возобновилась.

Из уважения к Чисто Апис выбрал себе мишенью внутренний край плаща, тот край, который ближе всего к телу матадора. Апис верил матадору так же, как и Чисто доверял ему. На этот раз он позволил человеку взять на себя руководящую роль, приспособляясь к нему с неподражаемым здравым смыслом, искусством и темпераментом. Он позволил Чисто попеременно то загонять его в тень. то выставлять во всем великолепии, как того требовали восхищенные зрители. Он то неистовствовал, то притворялся, будто терпит поражение, то принимал позу отчаяния и покорности судьбе и тут же разражался новым приступом ярости — и все это как истинный артист, который знает, что он является лишь изобразителем чувства и не должен следовать ему вне своей роли.

Апис вдохновил Чисто́. Казалось, грация и красота юности вернулись к этому почтенному быкобойцу. Утренняя заря отразилась во всем великолении в заре вечерней...

Все уменье Чисто было в распоряжении Аписа; с признательностью отвечал на маневры матадора всем, чему научился на ферме, в Арле, на пастбищах. Он носился вокруг Чисто, словно поток смерти; казалось, он вот-вот прыгнет к нему на плечи, он едва не задевал рогами человека, то с одной, то с другой стороны проносясь мимо него с грозным ревом и хрипом. Один или два раза (это было просто неподражаемо!) он взвивался на дыбы перед матадором, и Чисто должен был буквально выскальзывать из готовой обрушиться на него лавины грузного тела.

Эти двое артистов держа-BCEX В таком ЛИ жении, что пять тысяч праздных зевак не издавали ни звука, словно онемев, и только слышно было их дыхание, точно помпа работала. В конце концов это стало невыносимо. Оба они, человек и бык, поняли, что мы нуждаемся в передышке. И они перешли на буффонаду. Чисто и начал отступил немного празнить Аписа словами. Апис же делал вид, что никогда не слыхал таких речей. Он изображал крайнее негодование. Зрители ревели от восторга. Затем Чисто перешел на другую игру. Он позволил себе вольности с коретким хвостом быка, на конце которого он повис, между тем как Апис делал руэты.

Чисто словно вновь стал пастухом — грубым, беззаботным, жестоким, но понимающим. Апис же всегда был клоуном.

В продолжение этой игры Апис все время приближался к воротам, через которые быки входят на арену. Слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы хоть один из них вышел живым через эти ворота? Однако мы с Кристофом понимали, к чему клонил Апис: оп рассчитывал, что Чисто спасет его, подобно тому как он пощадил матадора. Жизнь дорога каждому. Артисту, который в одну жизнь проживает много жизней, она тем более драгоценна...

И Чисто не обманул быка. Когда никто в зале не мог уже больше смеяться, старый матадор внезапно накинул свой плащ Апису на спину, одной рукой обнял его за шею, а другую протянул к воротам — гордым жестом,

который мог бы сделать разве что Вилламарти, молодой и самодовольный, но никак не простой пастух, и крикнул: «Сеньоры, откройте ворота для меня и моего маленького ослика...»

И они открыли, пропустили человека и быка и захлопнули створки за ними.

Что было потом!.. Все зрители, от мэра до последнего стражника, сошли с ума на добрых пять минут, пока не загремели трубы и на арену не выбежал пятый бык, не умеющий думать, черный андалузский бык. Его, вероятно, заколол кто-нибудь. Но я уже, мой дорогой друг, не смотрел больше на арену...

На 3-й стр. обложки — рисунок Г. ФИЛИППОВ-СКОГО к рассказу Редьярда Киплинга «Умный Апис».

